

В.М. Розин

Психологическая практика, культура, наука

Научный этос психологии — проблема весьма актуальная, поскольку бурное развитие психологических практик и культуры не сопровождается столь же интенсивным обсуждением этических проблем и ответственности психолога. В результате эффект психологической помощи и многих других психотехнических усилий часто выглядит очень сомнительным, если не сказать негативным. Однако прежде чем сформулировать некоторые профессионально-этические положения, рассмотрим, что собой представляет сфера психологии.

Становление и проблемы психологической практики

Кооперация «специалист-психолог» (педагог-психолог — *педагогическая психология*, врач-психолог — *клиническая психология*, инженер-психолог — *инженерная психология*, тренер-психолог — *спортивная психология* и т.д.) — только один вид психологической практики. В начале XX столетия психоанализ продемонстрировал возможность существования другого вида психологической практики, где психолог выступает в самостоятельной роли; он и практик и отчасти исследователь, создающий для своей практики знания и теории. Такое единство науки и практической деятельности обеспечило как широкий интерес к психоанализу, так и реальные его достижения, которые, однако, оцениваются по-разному.

По образцу психоанализа на Западе были созданы и другие психологические направления — гештальттерапия, психодрама, трансактный анализ, группы телесной терапии и т.д. Сегодня все эти направления и психологические практики развиваются и у нас. С появле-

нием самостоятельных психологических служб, отмечает Ф.Е.Василюк, практику внедряют в психологию. Нужно осознать, что только своя психологическая практика может стать краеугольным камнем психологии [1].

Как правило, сами практикующие психологи оценивают свои достижения весьма высоко и на основе такой оценки, в частности, претендуют на высокие гонорары. Однако есть и другие суждения, и весьма авторитетные. Вот, например, оценка состояния направлений психопрактики в нашей стране известного психолога В.Н.Цапкина.

«Как кажется, на первый взгляд, сказанное вовсе не касается психологов-практиков – они уже давно вполне уверенно чувствуют себя на «территории» клиентоцентрированной психотерапии, гештальттерапии, психодрамы и т.д. Но, к сожалению, эта уверенность опирается на довольно поверхностное освоение различных психотерапевтических подходов, причем в основном их технологической составляющей. Теоретическое и философско-антропологическое измерение этих подходов игнорируется как не имеющее непосредственной прагматической ценности. В результате отечественные психологи-практики пока не стали носителями особой психотерапевтической культуры... Войти в эту культуру – означает попасть в то смысловое пространство где диалогически сопрягаются “голоса” Фрейда, Юнга, Роджерса, Перлза и др., где поставленные ими вопросы являются актуальными вопросами самого бытия психотерапевта – и как человека, и как специалиста» [6, с. 10–11].

Из всех видов психологической практики (педагогической психологии, инженерной психологии, психологического консультирования, психотерапии, клинической психологии и т.д.) я для анализа возьму психологическую помощь, во-первых, потому, что сегодня в нашей стране происходит быстрое развитие этой практики, во-вторых, потому, что на этой практике легче понять проблемы природы и эффективности психологических теорий и знаний. Еще одна причина, заставляющая обратиться к анализу психологической помощи, состоит в определенной оценке форм осознания работающих в этой области психологов. За редким исключением психотерапевты и другие психологи-практики, стремящиеся помочь людям, на мой взгляд, неадекватно осознают собственную работу.

Говоря здесь о неадекватности, я имею в виду, конечно, не простое осознание деятельности психолога, оно вполне адекватное, а специальные методологические реконструкции этой деятельности, с которыми, естественно, можно соглашаться или нет. Так вот, такие реконструкции показывают, что, наряду с деятельностью психологов действительно полезной для пациента или клиента (в качестве примера здесь можно указать на психологическую помощь, основанную

на изменении ценностей и мироощущения клиента), не менее распространены случаи деятельности и усилий психологов, приводящих к деструкциям психики пациента или клиента, к фрустрациям, хотя осознаются результаты такой деятельности прямо противоположно, во вполне оптимистическом ключе.

Часто в оценке эффективности психологической практики апеллируют к субъективным ощущениям клиента, который считает, что «ему стало лучше». Но является ли это «лучше» объективным критерием эффективности психологической практики? А что, если завтра ему станет еще хуже и именно потому, что пациент прошел, например, курс психотерапии? Здесь важно различать два случая: *ближайший эффект психологической помощи*, который чаще, чем реже, бывает, с точки зрения самоощущений клиента, положительным, и *более отдаленный*, который, напротив, уже по объективным наблюдениям нередко бывает отрицательным.

Почему ближайший эффект чаще бывает положительным? Не потому ли, что с клиентом общаются, ему помогают, обсуждают его жизнь и проблемы. Не потому ли, что помогает клиенту специалист-психолог, который «знает» и поэтому может сказать, что с человеком, обратившимся за помощью, происходит на самом деле, отчего происходит его неблагополучие и, главное, как от него избавиться. Клиент начинает понимать, что с ним происходит, у него появляется надежда. Разве недостаточно этих трех факторов: участия и помощи – раз, понимания происходящего – два, появившейся надежды на улучшение – три, чтобы пациенту «стало лучше»? Даже если на самом деле (это на самом деле становится ясным или значительно позднее или в специальном анализе) предложенная и принятая психологическая помощь была или неэффективной или вовсе вредной, усугубившей неблагополучие клиента!

«Что же ценного, – спрашивает В.Н.Цапкин, – мы можем извлечь из обширной литературы по исследованию психотерапии? Важнейшими факторами, влияющими на эффективность психотерапии, независимо от теоретической ориентации психотерапевта, являются, согласно исследованиям Дж.Фрэнка (Frank, 1961), вера психотерапевта в действенность своего метода и вера пациента в помощь своего психотерапевта... во всех видах психотерапии действуют одни и те же психотерапевтические факторы (хотя и в разных пропорциях): 1) установление особого контакта между психотерапевтом и пациентом – исходная предпосылка, на которой строится психотерапия; 2) ослабление напряжения на начальной стадии, основанное на способности пациента обсуждать свои проблемы с лицом, от которого он надеется получить помощь; 3) расширение репертуара когнитивных схем за счет информации, получаемой от психотерапевта; 4) оперантная модификация поведения паци-

ента за счет позитивно-негативного подкрепления со стороны терапевта, а также коррективного эмоционального опыта в терапевтических взаимоотношениях; 5) приобретения социальных навыков благодаря идентификации с психотерапевтом; 6) убеждение и внушение, явное или скрытое; 7) усвоение и отработка адаптивных паттернов поведения при эмоциональной поддержке со стороны психотерапевта. Что же касается исследований, посвященных оценке эффективности различных психотерапевтических подходов, то они, на наш взгляд, по существу зашли в тупик» [6, с. 19].

Обратим внимание, что все перечисленные факторы, за исключением третьего — расширения репертуара когнитивных схем, — не являются специфическими для психологии. Не подтверждают ли эти исследования и обычные наблюдения, а именно, что главное — это не знания механизмов психики, причин ее нарушения и способов восстановления, а взаимоотношения психолога с клиентом и вера последнего в возможность психологической помощи?

Но этим проблемы не исчерпываются. Не менее сложная проблема — множественность и противостояние психологических практик и понимания психологической помощи. Рассказывая о международной конференции «Эволюция психотерапии», проходившей в США, В.Н.Цапкин с некоторой горечью отмечает следующее.

«Однако в целом конференция подтвердила верность диагноза вавилонского смешения языков, поставленного психотерапии известным экзистенциальным аналитиком Ван Дьюсеном (Van Dusen, 1968). Уровень единодушия и взаимопонимания между участниками “Эволюции психотерапии” можно проиллюстрировать эпизодом одного из секционных заседаний. Когда ведущий секции стал подводить итоги заседания и, пытаясь найти хоть какую-то точку совпадений мнений, сказал: “По крайней мере, все согласны, что психотерапия должна быть честной”, его прервал своей язвительной репликой Томас Сас: “Многие пациенты хотят как раз нечестности, и задача терапевта — предоставить им это”» [6, с. 6].

В чем здесь, собственно говоря, дело, ведь сама по себе множественность психологических видов помощи еще не составляет проблему. Дело в том, и в этом проблема, что разные концепции и виды психологической помощи преследуют разные цели и навязывают пациенту разные способы существования (психического здоровья). При том, что, как правило, пациент об этом не информирован или же не в состоянии уяснить результат принятия им того или иного решения, т.е. он не может понять последствия, проистекающие из принятия им определенной концепции психологической помощи. Вообще, клиент (пациент, человек) в психологической практике мыслится, с одной стороны, в рамках соответствующей психологической практики (а они, заметим, все разные), с другой — как человек вообще,

как неизменный антропологический тип, что предполагает возможность построения единого учения о человеке. Отсюда поэтому вопрос и недоумение: как между собой соотносятся понимание человека и его здоровья в разных видах психологической помощи?

«Так психотерапевт, — замечает В.Н.Цапкин, — придерживающийся медицинской модели, выступает в качестве «врача», который лечит «больных»; другие психотерапевты видят сущность своей деятельности не в лечении, а в воспитании или перевоспитании — коррекции тех или иных дефектов развития личности пациентов (психоанализ, адлеровская индивидуальная психология, терапия реальностью У.Глассера (Glasser, 1965), рационально-эмотивная терапия А.Эллиса (Ellis, 1973); иные выступают в качестве «тренеров», формирующих желательные поведенческие навыки (поведенческая терапия); третьи осмысливают свою роль в качестве практических философов-антропологов (экзистенциальная психотерапия); четвертые видят себя в качестве проводников в «символическом путешествии героя» (юнгианский анализ — см. Whitmont, 1969); пятые выступают в роли “трикстера”, используя, к примеру, метод “терапевтического сумасшествия” (Whitaker, 1975) и т.д. Психотерапия оказывается сродни мифологическому Протею, который постоянно меняет свой образ, форму своего воплощения... Такую же пеструю картину мы обнаружим в понимании любого значимого аспекта психотерапевтической теории и практики» [6, с. 14, 16].

Психологическая культура

Параллельно с формированием психологических практик с небольшим запаздыванием складывается «психологическая культура». Психологическую культуру образует не только *профессиональное сообщество психологов* (ученых и практиков), но и *психологически ориентированное общество*, то есть люди, верящие в психологию и обращающиеся к психологам. Психологическая культура — это также *психологические школы и конкуренция психологических учений и практик и весь веер психологических учений и представлений*, которые усваиваются и разделяются участниками психологической культуры.

«Порой к спектру терапевтической компетенции, — отмечает Александр Сосланд, — присовокупляется целый ряд гуманитарных знаний. Так психоаналитическое образование, как известно, по замыслу Фрейда, должно было включать в себя, помимо психиатрии и психологии, такие дисциплины, как история цивилизации, история и литературная критика, мифология, психология религий, история и литературная критика. Наличие такого рода образовательных требований, на наш взгляд, как ничто другое, обнаруживает известную тенденцию в развитии психотерапии, а именно — стремление являть собой феномен культуры, не в меньшей степени, чем терапевтическую практику» [5, с. 55].

А.Сосланд пишет только о психотерапии, но сходные тезисы можно сформулировать и относительно других психологических практик, а также психологической науки. Анализируя личность типичного успешного создателя психологической школы, его «харизму», А.Сосланд выделяет такие качества, как «бойцовская позиция» и стремление к идеологической экспансии «за пределами собственной терапевтической практики».

«В психотерапевтическом мире бойцовская позиция реализуется в первую очередь в коллегиальной среде. Так уж повелось со времен фрейдовского психоанализа, что новый метод появляется на свет, энергично порывая с предыдущими подходами... Да, безусловно, психотерапевтическая жизнь несет на себе печать ожесточенного состязания различных школ, которые, как уже было сказано, могут рассматриваться в качестве «машин желания» в духе Ж.Делеза и Ф.Гваттари. Именно с этой точки зрения харизма не только в своих идеологических, но и в своих внешне-театральных проявлениях, безусловно, необходима и выступает в роли важнейшего фактора конкурентной борьбы, в некоторых случаях, возможно, и решающего...» [5, с. 67, 72].

«Другой аспект экспансии, — пишет в предисловии к своей книге А.Сосланд, — мы можем обозначить как доктринальный. Общим местом стало известное утверждение, что, например, психоанализ превратился из специального лечебного метода в мировоззренческую систему. В сущности, более адекватным термином будет *доктринальное расширение*, ибо речь идет не столько о захвате чужих идеологических пространств, сколько о тенденциях внутреннего роста или инкорпорирования метафизических дискурсов в психотерапевтические» [5, с. 27].

Помимо указанных здесь двух характеристик психологической культуры (конкурентная борьба школ и стремление к доктринальной экспансии) А.Сосланд выделяет еще несколько. Это стремление психотерапевта всеми возможными способами «соблазнить», привлечь клиентов к своей школе; широкое манипулирование сознанием клиента, сближающее позицию психотерапевта и политика; стремление вовлечь клиента в «интересный», «карнавальный», отчасти «мистический», мир; наконец, общая ориентация на удовлетворение (реализацию) личности клиента. Причем все эти характеристики психологической культуры откладывают свой отпечаток на структуру психологической теории и практики.

«Ситуация состязательной коммуникации, — пишет А.Сосланд, — превращает любое идеологическое построение в средство соблазнения другого. Главное свойство любой идеологии, исходящей от претендента на любое харизматическое влияние, — быть привлекательной. Любой мало-мальски привлекательный дискурс соотносится не только с описываемой им

реальностью, но и со своей задачей рекрутирования... “Производство” психотерапевтического метода — сочинение школьной теории и формирование техники — сориентировано не только на результативность работы с проблемами, но на соблазнение пациентов и коллег. Всякому ясно, что “интересность” школьных теорий, эстетическая привлекательность техник — вещи намного более ощутимые и явные, чем с трудом доказуемая эффективность» [5, с. 71, 72].

«Дело теории в психотерапии, — поясняет дальше А.Сосланд, — создавать приманки для возможных последователей, ну и конечно — пациентов. Деятельность автора, порождающего новую теорию в психотерапии, без особой натяжки можно уподобить работе сочинителя-беллетриста, и это уподобление будет более адекватным, чем с трудом ученого, «наблюдающего факты», “делающего выводы”» [5, с. 104].

Кстати, последнее утверждение проясняет, почему А.Сосланд чаще квалифицирует психотерапевтические построения не как знания, а как *метафоры*.

Конечно, прямо А.Сосланд не называет психотерапевта политиком, но роль главы психотерапевтической школы, старающегося снизить значение других школ и, напротив, убедить публику в том, что именно его школа наиболее привлекательная и эффективная, выступающего от имени «целого» (то есть истинного знания психики клиента и его проблем), точно знающего, как решить вставшие перед клиентом проблемы, — все это сближает позиции психотерапевта и политика. Характерна и фраза, брошенная им в заключение одного рассуждения: «Кроме того, мы исходим из вполне очевидного соображения, что в конечном итоге все — полемика и политика» [5, с. 361].

А вот высказывания А.Сосланда о мире, который создает психотерапия.

«В сущности, о какой бы терапии речь ни шла, она так или иначе строится на том, что *обыденно-рутинный мир повседневности противопоставляется карнавально-игровой психотерапевтической ситуации*. В этой ситуации не действуют правила и запреты, которые конституируют повседневность (и формируют тем самым “психопатологию обыденной жизни”). Внутри границ психотерапевтического пространства происходит то, в чем нам отказано за его пределами. Можно говорить о том, о чем в другой ситуации говорить нельзя, и также, да, собственно, зачастую делать что-нибудь такое, а это тоже имеет непосредственное отношение к “удовольствию от терапии”... Мир психотерапевтического действия — мир иной культуры по отношению к повседневной, мир, противоположный рутинной регламентированной обыденности... Иррациональность, карнавальность, преодоление запретов — все это составляет неотъемлемую коренную сущность психотерапевтической ситуации» [5, с. 198, 234].

Со своей стороны к сказанному могу добавить следующее. Психологическая культура складывается достаточно поздно, не раньше 60-х, 70-х годов XX столетия, хотя отдельные ее предпосылки прослеживаются значительно раньше. Одной из первых здесь можно указать на саму конструкцию новоевропейской личности, *ориентированной на реализацию собственных желаний, творчество* и, отчасти, *эзотеризм*. Вспомним хотя бы запрещенную церквью в эпоху Возрождения «Речь о достоинстве человека» известного гуманиста Пико дела Мирондолы:

«Тогда, — читаем мы в “Речи о достоинстве человека”, — принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “...Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные. О, высшая щедрость Бога-отца! О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!”» [2, с. 507, 509, 512].

Картина мира (сценарий) нового времени является «распределенной», то есть образуется несколькими группами практически несогласованных идей. Одни из них пришли из средневековой культуры и Возрождения, другие были заимствованы из античности, третьи — созданы мыслителями XVI—XVIII вв. В «негомогенных культурах» (античность и новое время), где имеют место подобные сценарии и складываются разные типы личностей, важное значение приобретают «фундаментальные дискурсы». Например, известные работы Зигмунда Фрейда и развитые на их основе идеи психоанализа представляют собой подобный дискурс (назовем его «психоаналитическим»). Он не столько описывает то, что было в культуре, сколько вменяет человеку нового времени определенные реалии — преувеличенное значение сексуальности и конфликтов. Другими словами, фундаментальные дискурсы выполняют роль социальной нормы, но не всеобщей как в «гомогенной культуре» (древнего мира и средних веков), а приватной или групповой.

Например, приведенный здесь текст Пико делла Мирондолы представляет собой подобный дискурс (назовем его «культурно-антропологическим»). Люди, подобные Макьявелли или Леонардо да Винчи, рассматривали «Речь о достоинстве человека» в качестве своего манифеста, проникновения в суть вещей, другие же не обращали на нее внимания.

Фундаментальный дискурс хотя и выступает в качестве социальной нормы, но не для всех, а только для тех, кому он «приглянулся» (на самом деле в большинстве случаев индивид не осознает возможность свободного выбора дискурсов, обычно фундаментальный дискурс воспринимается как сама реальность). Фундаментальные дискурсы создают возможность свободного личного или группового поведения, которое уже не оценивается автоматически как нарушение культурных норм. В негомогенных культурах, как правило, одни фундаментальные дискурсы противостоят другим и между их сторонниками идет полемика.

Особый вопрос как такие дискурсы соотносятся с картинами мира. Например, в культуре нового времени наука задает для рационального человека картину мира (представление о природе, рациональном знании, инженерии и т.п.). Но при этом допускается, что ученый может быть религиозным человеком. В данном случае его религиозные представления являются фундаментальным дискурсом. Напротив, для папского государства картину мира задают религиозные представления, а увлечение какого-нибудь кардинала наукой есть факт его частной жизни и фундаментального дискурса. Важно другое, если некто принял определенный фундаментальный дискурс, проникся его содержанием, то для него этот дискурс задает саму реальность и соответствующие ей формы поведения. Как социальная норма фундаментальный дискурс принудителен.

Принимая определенный фундаментальный дискурс (несколько дискурсов), личность начинает действовать в его рамках. При этом она вынуждена любой материал и свои собственные действия вводить в эти рамки; необходимое условие этого — воссоздание реальности под соответствующим углом зрения. Например, некто проникся «научно-инженерным» дискурсом, то есть считает, что ничего кроме природы не существует и всякое действие опирается на законы природы. Дальше он сталкивается с определенными проблемами (социальными или личными). Поскольку он мыслит и действует в рамках научно-инженерного дискурса, постольку и понимание этих проблем и их разрешение для него осмысленно лишь в схеме этого фундаментального дискурса. Например, он считает, что проблемы, с которыми он столкнулся, связаны с естественными (природными) противоречиями или факторами, а их решение предполагает разворачивание технического действия, воздействующего на данные противоречия и факторы.

Однако неправильно думать, что принятие фундаментального дискурса и подведение под него личного события материала — автоматический процесс. Напротив, исследования М.Хай-

деггера и М. Фуко, а у нас, например, М. Мамардашвили, Л. Ионина, А. Пузыряя показывают, что необходимое условие обоих процессов – формирование социальных практик и вовлечение в них человека. Одно из первых мест здесь занимают образование (и идеология) и СМИ, на втором месте идут искусство, профессиональные занятия, образ и стиль жизни и другие. Например, психологические практики, неважно, будет ли это занятие психологической наукой или посещение психотерапевта, выполняют в современной культуре важную роль именно в плане способствования принятия человеком различных фундаментальных дискурсов, а также их реализации в жизни личности.

Если ренессансный человек еще не имел средств удовлетворения своих желаний и не знал, как себя изменить (чтобы, как писал в трактате «О достоинстве человека» Пико делла Мирондола «переродиться в низшие, неразумные существа или в высшие божественные»), то этого уже не скажешь о современном человеке. Он обладает такими средствами и знает, как целенаправленно переделывать себя. Безусловно, это связано с технической цивилизацией, основанной на естественных науках, инженерии, индустриальном производстве и потреблении. Опять же это можно проиллюстрировать на примере психологии.

Действительно, распространение на человека естественнонаучного подхода приводит к построению научной психологии. Распространение инженерного подхода – к становлению психотехники. Включение внутреннего мира и поведения человека в сферу потребления ведет к появлению психологических услуг. Сегодня нам кажется естественным, когда психолог предлагает свои услуги и утверждает, что у нас есть психологические проблемы, которые он поможет разрешить. Однако еще в XIX веке внутренняя жизнь человека рассматривалась иначе: или как находящаяся в сфере действия божественных сил и замыслов или как область, не подлежащая вмешательству со стороны. Различные проблемы внутренней жизни, которые мы сегодня относим к компетенции психотерапевта, в те времена понимались совершенно по-другому: такова природа, характер, конституция, судьба, наказание свыше и т.п. Именно развитие психологии и психологических услуг, как это показывают современные исследования (смотри работы Фуко), позволили обнаружить в человеке психические нарушения и заболевания, а по сути конституировать их. Каждая новая психологическая теория или практика – это новая потенциальная область таких нарушений и заболеваний. Но те же теории и практики – гарантируют их разрешение.

Вероятно, имеет смысл развести понятие «массовой психологической культуры» и «элитарной психологической культуры». Массовая психологическая культура задействует соответствующие ценности техногенной цивилизации, включающие установку на психологические услуги, психику, истолковываемую в естественнонаучном ключе, психотехнику, личность, как культивируемую свои желания и одновременно стремящуюся удовлетворить их в сфере психологических услуг. Для психологических услуг в рамках массовой психологической культуры важно прежде всего *качество* этих услуг, куда входит не только критерий эффективности, но моды. Вероятно, именно с массовой психологической культурой соотносятся рассмотренные выше естественнонаучный подход и первая стратегия гуманитарной мысли. Этот подход и стратегия выступают фундаментальными дискурсами для представителей массовой психологической культуры.

Элитарная психологическая культура противостоит массовой. Ее ценности другие: реализация уникальной личности, ориентация на культуру и духовные ценности, на свободу, иное понимание психологической помощи (не управление, а сопровождение, направляющее участие в самостоятельной работе, сотрудничество, развитие и прочее). Соответственно фундаментальным дискурсом для представителей элитарной культуры выступает стратегия гуманитарной мысли.

А. Сосланд в своей системе тоже обсуждает эту оппозицию, понимая ее, однако, как различие в психотерапии установок на «медицину» и «философию». Первая установка — это ценность массовой психологической культуры, вторая — элитарной.

«Несмотря на процесс постоянного бегства из медицины, — пишет Сосланд, — психотерапия относится к разряду терапевтических практик и подспудно неизбежно ориентируется на медицинскую модель. Так что любой текст, имеющий отношение к психотерапии, несет на себе отпечаток того же противоречия, которым отмечена вся эта область знания, а именно *необходимость быть «наукой о духе» в форме, однако, естественнонаучной дисциплины*» [5, с. 296].

«Любой психотерапевт живет на фоне борьбы между своими внутренними инстанциями, обозначим их “философ” и “лекарь”. Эта борьба неизбежно отражается и на концепции идеала. Для “философа”, что и понятно, не столь важен наглядный терапевтический эффект в виде, к примеру, исчезновения симптома, сколько идеологическое соблазнение — обращение клиента к новым ценностям, конструирование мировоззренческого сдвига. Полная победа над симптомом — дело зачастую трудное, а то и вовсе невыполнимое, в то время как идеологическое обращение, которое тоже может быть весьма трудоемким, не требует, однако, особой наглядности. Ясно, что при таком раскладе очень удобно ориентироваться на позитивный идеал,

главное в котором — новое мировоззрение... Такая постановка вопроса делает возможным разговор об “*идеале с изъяном*”, то есть новое отношение к ценностям не исключает сохранение неких патологических проявлений, особенно в отдельных случаях, когда с болезненными проявлениями трудно справиться... Медицинская норма как цель терапии в значительной степени совпадает с негативным идеалом. Концепция же личностной нормы предполагает доступность сохранения клинической симптоматики» [5, с. 191–192].

Рассмотренные здесь две группы представлений можно отнести к фундаментальным дискурсам и соответственно назвать «научно-инженерным психологическим дискурсом» и «гуманитарным психологическим дискурсом». В свою очередь, в XX столетии первый фундаментальный дискурс соединяется с «потребительским фундаментальным дискурсом» (понятие гарантированного обслуживания, качественных и доступных услуг и прочее), а второй связан с «эзотерическим фундаментальным дискурсом», то есть представлением о том, что человек сам может творить и делать себя.

Понятно, что отдельный человек может принадлежать сразу обеим популяциям психологической культуры — массовой и элитарной и реализовать в своем поведении как научно-инженерный дискурс, так и гуманитарный. В этом случае определить критерии эффективности психологической практики — дело непростое. Как представитель массовой культуры он стремится получить психологические услуги; как входящий в элитарную культуру пытается прежде всего реализовать себя как личность. При этом первая установка может входить в противоречие со второй. Например, стремление реализовать свои желания и получить утешение может войти в полное противоречие со стремлением узнать о себе правду, измениться, совершить достойный человека поступок и т.п.

Добавим к этому, что, даже принадлежа всей душой к элитарной психологической культуре, человек не может быть полностью свободен от современной культуры, ориентированной на ценности техногенной цивилизации. Как бы человек ни стремился жить свободно и духовно, реализовать свою уникальную личность, он постоянно обнаруживает в себе черты субъекта массовой культуры.

А. Сосланд показывает, что ориентация психотерапии на психологическую культуру обуславливает и соответствующее эпистемологическое отношение к психике. А именно психолог представляет (конституирует) психику таким образом, чтобы можно было реализовать основные ценности психологической культуры. Конкретно речь идет о том, что в рамках научно-инженерного психологического дискурса психика истолковывается как структура, которой можно приписать психическое нарушение («дефект»), причем последнее может быть уст-

ранено психотерапевтическим действием. Структура психики, по мнению А.Сосланда, включает такие элементы как «целое», «другой», «инстанции», «границы», «каналы», «влечения» и т.д. Дефект задается, например, через идею препятствия (источником нарушений могут быть препятствия, на которые неизбежно наталкиваются естественные влечения человека, не позволяющие ему «безболезненно и безнаказанно овладеть желаемым объектом» [5, с. 155]). Психотерапевтическое действие характеризуется как своеобразный вид игры, общения и контакта, внушения клиенту психотерапевтических идей, манипулирования его сознанием, преодоления сопротивления клиента, создания посредников, облегчающих работу психотерапевта.

А.Сосланд уверен, что описанная им конструкция психики характерна для любого вида психотерапии и в целом для психологической культуры. Однако вряд ли это так. Анализ его работы показывает, что образцом психотерапии для него выступил психоанализ, а образцом психологической культуры — только массовая психологическая культура. Не случайно поэтому и психотерапевт и клиент у А.Сосланда — это личность нездоровая (в психическом отношении), влекомая страстями, тщеславная, недуховная, нерефлексивная, склонная к конфликту с культурой, обману других или готовая обманываться сама, часто даже порочная [5, с. 160].

Замечание о психологической науке

Добавим к рассмотренному материалу результаты анализа психологической науки. Основные положения, которые были получены в этом анализе, таковы [3—4].

— Строение психологической теории обусловлено, по меньшей мере, тремя основными факторами: *ценностными и методологическими установками* создателя теории (З.Фрейда, К.Юнга и т.д.), *особенностями той психологической практики*, которую последний строит, наконец, *теоретическими положениями*, которые используются при осмыслении этой практики.

Так З.Фрейд последовательно реализовывал научно-инженерный фундаментальный дискурс, исповедуя соответствующие методологические установки естественнонаучного подхода. Напротив, К.Юнг реализовывал в своем научном творчестве гуманитарный фундаментальный дискурс, причем его теория строилась в рамках стратегии гуманитарной мысли, а практика, судя по всему, разворачивалась с учетом опыта. «Как можно глубже изучайте теории, — писал Юнг, — но откладывайте их тотчас в сторону, когда соприкоснетесь с чудом живой души» (Юнг, 1954).

Практика психоанализа строится на замаскированной суггестии психоаналитических схем и представлений, а психотерапия Юнга больше на гуманитарной интерпретации.

«Видимо, не случайно, — пишет Сосланд, — история психотерапии началась с гипноза. Главным содержанием гипноза является основательная транстерминационная процедура (*то есть процедура, направленная на изменение состояния сознания пациента. — В.Р.*)... транстерминационная терапия — классический гипноз — подверглась самому энергичному вытеснению из поля психотерапевтического сообщества. Решающую роль, как известно, здесь сыграл психоанализ, где транстерминация оказалась так замаскированной, что ее мало кто мог обнаружить... Мы, однако, стоим на том, что полностью этот элемент психотерапевтического действия никогда ни из какой практики не исчезает бесследно, а только переходит в иное, как уже сказано, латентное состояние... Принцип невмешательства, введенный в терапевтический обиход, создает иллюзию минимального участия терапевта...» [5, с. 233, 234, 258].

— Создатели психологических теорий выдают свои теоретические конструкции, построенные в ходе реализации их *собственных установок* и конституировании конкретной *ограниченной практики*, за теории психики вообще. Так З.Фрейд утверждает, что его теория описывает строение психики человека как такового; в то же время я старался показать, что речь идет только об одном из типов психики, для которой характерны конфликтные отношения и гипертрофирование сексуальных реалий. Но то же замечание можно адресовать и другим крупным психологам: они свою частную познавательную ситуацию и конкретный опыт терапии обобщают до теории психики как таковой.

— Нужно различать две разные функции психологических теорий и представлений: *обеспечивать реализацию личности* (клиента и самого психолога) и выступать *средством психологической практики*, например, психологической помощи. В первой функции психологические представления создают условия для подключения человека к определенным фундаментальным дискурсам (например, как в случае психоанализа к культурно-антропологическому, научно-инженерному, потребительскому и психотерапевтическому дискурсам). Во второй функции психологические представления помогают человеку дать и получить помощь в рамках указанных фундаментальных дискурсов (я сейчас не обсуждаю, насколько такая помощь эффективна; здесь есть три разных случая: психолог помог — первый вариант, ничего не сделал, ни хорошего, ни, слава богу, плохого — второй вариант, наконец, он создал новые проблемы, не избавив клиента от существующих — третий). Иначе говоря, психологические представления дают возможность получить и дать помощь, одновременно ре-

ализуя ценности личности, науки, культуры, потребления и другие, причем именно получение помощи создает условия для реализации этих ценностей, и наоборот, их реализация выступает условием для осуществления и получения психологической помощи.

— Психологическая теория, точнее работа по ее созданию, выступает как необходимое условие становления личности психолога (иногда и клиента). Ценности и установки психолога, его выбор, определение в мире и взаимоотношения с другими, даже выстраивание жизненного сценария неотделимы от работы по созданию психологической теории, а также разворачивания психологической практики. Личность З.Фрейда и К.Юнга, как я старался показать, конституировалась в творческом процессе создания ими психологического учения и эффективной (с их точки зрения) практики.

Некоторые положения, относящиеся к области этики

Рассмотрим сначала мифы и склонности психолога. Первый миф — что практика имеет дело с научным знанием и теорией, хотя на самом деле — прежде всего *с языком описания, с интерпретациями* и лишь затем всего лишь *с гипотетическим знанием*.

Второй миф, что человек «прозрачен» в гносеологическом смысле, что его *рано или поздно целиком и полностью можно описать на основе исповедуемой исследователем (практиком) психологической теории*. В свое время предельно откровенно эту позицию заявил Дж.Уотсон, говоря, что бихевиоризм ни на одну минуту не может допустить, чтобы какая-нибудь из человеческих реакций не могла быть описана в схеме «стимул-реакция».

Третий миф, опирающийся на два предыдущих, что психолог, познав в своей науке устройство психики, ее законы, может управлять человеческим поведением, превратить его в средство своей деятельности. Впрочем, ради справедливости нужно заметить, что эти три мифа — «миф психологического знания», «миф прозрачности психики» и «миф овладения (управления) психикой» — разделяются и декларируются прежде всего сторонниками естественнонаучного подхода в психологии. Другие психологи, ориентированные на гуманитарный подход, или отвергают эти мифы, или следуют им, не осознавая того. Но практически все психологи имеют ряд склонностей, которые усиливают кризисные явления в психологии.

Первая склонность — желание натурализовать, объективировать свои теоретические и нетеоретические интерпретации и версии, не осуществляя необходимой критической проработки этих процедур.

Сама по себе объективация интерпретаций необходима, только в этом случае психолог-практик или пациент могут выйти на новое видение, а также нащупать необходимые для улучшения здоровья действия. Но дело в том, что психологические знания, с одной стороны, частичны, а с другой — могут быть неадекватны. Частичны они в том отношении, что, описывая психику — образование достаточно сложное (на это указывает и совокупное психологическое знание и философские учения), психологи в своих теориях схватывают лишь отдельные структуры и планы этого сложного образования. Говоря так, я имею в виду, прежде всего, теории, которые широко используются в практике. Безусловно, существуют и достаточно сложные психологические теории, приближающиеся к философским, например, некоторые психологические теории личности. Но подобные теории редко используются в практике.

Как определить адекватность той или иной психологической теории или представления и чему? Моя позиция здесь следующая. Большинство психологических теорий описывают, моделируют определенные частичные аспекты психики человека, причем не человека вообще, так сказать, человека универсального, а человека определенного типа. Например, теория Фрейда описывает конфликтный тип человека, поскольку З.Фрейд утверждает, что всякий человек находится в конфликте с культурой, а его бессознательные сексуальные влечения конфликтуют с сознанием. И в реальной жизни вполне могут встречаться подобные случаи, например, ребенок растет в криминальной среде, у него конфликт с родителями, кроме того, у него, начиная с подросткового возраста, возникают сексуальные проблемы.

Возможен ли подобный ход событий в нашей культуре? Естественно, возможен, и в этом случае мы получаем «человека по Фрейду». Но ведь не менее часто встречаются «люди по Роджерсу», которые выросли в атмосфере заботы, любви и внимания, для которых эмпатия так же органична, как и для «людей по Фрейду» конфликты. Точно так же можно предположить, что в нашей культуре есть и другие типы людей: «по Франклу», «по Маслоу», «по Берне», «по Гроффу» и т.д. И так, один критерий адекватности — соответствие типа психологической теории типу человека, для которого эта теория была фактически создана. Но есть, по меньшей мере, еще два критерия.

Второй критерий — это соответствие психологической теории той проблеме или психологическому нарушению, с которым к психологу пришел человек. Одно дело, если клиент на самом деле просто хочет улучшить качество своего общения, другое, если у него невротическое состояние, третье, если он решает кардинальные проблемы жиз-

ни и смерти. Бывают и случаи, когда у человека на самом деле нет никаких проблем и он совершенно здоров (впрочем, нередко до той поры, пока не пообщался с психологом). Лично для автора очевидно, что все перечисленные случаи, а их на деле значительно больше, не могут разрешаться с помощью какой-нибудь одной, даже самой современной психологической теории. Психологи же иногда берутся помогать во всех возможных случаях, переинтерпретируя проблемы клиента в благоприятном для их учения направлении.

Третий критерий — соответствие психологической теории направленности и характеру эволюции личности человека. Представление об эволюции личности, вероятно, сходно, но не совпадает с понятием «зоны ближайшего развития», которое ввел Л.С.Выготский.

Итак, психологические теории и представления, используемые психологами-практиками, частичны, а также могут быть неадекватными в указанных нами отношениях. А, следовательно, они не могут в большинстве случаев рассматриваться как модели и знания. Скорее они представляют собой определенные схематизации психики, а схема в отличие от модели хотя и позволяет действовать, но не дает никакой уверенности в адекватности и эффективности соответствующего действия. Некоторые ответственные психологи понимают это.

Вторая склонность психологов-практиков (речь идет о психологах, которых можно отнести к психоаналитической линии): ***придавать чрезвычайно большую роль осознанию ситуаций, приводящих к психическим нарушениям, слабо понимая роль переосмысления.*** Как я старался показать в своих исследованиях, осознание таких ситуаций — всего лишь одна из возможных реконструкций и интерпретаций; пожалуй, более важно, как эти ситуации представлены, позволяет ли их описание переосмыслить поведение и установки клиента. Безусловно, важно, чтобы пациент и клиент отнесли эти описания к себе, рассмотрели их как описание собственной истории, жизни, событий. Однако последнее больше зависит от концепции пациента (его представлений о своем неблагополучии и эффективности предложенной ему психологической помощи), от его желания поверить врачу, чем от реальных аргументов психолога и его попыток реально исследовать — прошлое и психику пациента. Вообще современный психолог-практик стремится быстрее выйти на знание и модель, понять, что с клиентом произошло. При этом он не отдает себе отчета в том, что чаще всего его средства ограничены, что ему приходится работать со схемами и интерпретациями, что у клиента и пациента могут быть другие, весьма отличающиеся представления.

Здесь мы подходим еще к одной склонности: отождествлять собственные представления психолога с представлениями пациента или клиента. Другой более слабый вариант — не учитывать представления и концепцию пациента. Дело в том, что, как правило, пациенты плохо осознают свои концепции и ожидания. Но отсутствие осознания не означает отсутствие концепции у пациента, то есть его представлений о психологической помощи и соответствующих ожиданий. Если психотерапевт не отрефлексировал эти представления и ожидания, иногда впервые их сформулировав, он, очевидно, не может рассчитывать на успех, ведь концепция пациента может быть противоположна теории, на основе которой действует психолог.

В качестве еще одной склонности, но естественно, не у всех, я бы указал *на стремление культивировать болезнь, на склонность к патологии*. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом ключе — как культивирование патологических наклонностей. Когда З.Фрейд настаивает на мифе Эдипа, превращая его в фундаментальный закон психического развития человека, разве он не культивирует психическую патологию? Конечно, бывают случаи, когда необходимо понять, что человеком движет страх, или что его поведение представляет собой садизм, или что его наклонности и желания противоречат культурной норме. Но подобное осознание должно служить целям критики, выхода из этих негативно оцениваемых состояний, преодоления их. А не целям культивирования, погружения в эти состояния, или утверждению их как естественных и неотъемлемых состояний человека.

Анализ психологической литературы указывает на еще одну склонность некоторых психологов-практиков, а именно *разрешать собственные проблемы за счет своих пациентов*: например, реализовать себя, получая власть над пациентами, заимствовать у них энергию, манипулировать ими и т.д. (об этом много пишет в своей книге А.Сосланд).

Рассмотренные здесь мифы и склонности психологов-практиков можно истолковать как свидетельство кризиса. Его причины двояки. С одной стороны, кризис связан с низкой культурой мышления психологов, отставанием форм психологического осознания от реальной практики работы. С другой стороны, его обуславливают особенности современной культуры и человека. К сожалению, наша культура культивирует такие аспекты личности человека, как стремление к успеху и власти, повышение значимости своей личности, нецелостность существования, ведущая к демонстрации тех свойств личности, которые ожидает общество, и, наоборот, утаива-

нию реальных переживаний, смешивание игровых, навязанных искусством и фантазией переживаний, и форм жизни с обычными, неигровыми.

Психологическая помощь в этом смысле выполняет в нашей культуре не только функции реальной помощи; но и является одной из форм подобного игрового, искусственного поведения, которое, однако, самими «игроками» воспринимается вполне серьезно, не как «театр жизни», а сама жизнь. Повышая значение личности, позволяя «игрокам» реализовать себя, психологическая помощь создает особый фон, затрудняющий анализ и понимание собственно психологической стороны дела, связанной с назначением психологической помощи. Как читатель, вероятно, догадался, подобное поведение — серьезно живем-играем в психологическую помощь — автор относит прежде всего к массовой психологической культуре.

С методологической позиции, не все стратегии и направления психологической помощи сегодня являются полезными для человека, ряд из них не помогают человеку справиться с его проблемами или улучшить свое состояние, а, напротив, *разрушают его, создают новые проблемы и неблагоприятие наряду с существующим*. Конечно, здесь возникает сложный этический вопрос, что за собой влечет признание этого факта, ведь представители абсолютно всех психологических школ и практик считают, что они делают все правильно и даже часто лучше, чем другие направления.

Естественно, дело не в том, чтобы накладывать запрет на то или иное направление или практику, а в том, чтобы быть внимательным к указанной возможности — не помочь, а навредить, чтобы обсуждать реальный эффект психологической помощи, анализировать и ближай-шие и отдаленные ее последствия для жизни человека. Нередко бывает так, что хотя ближайшие последствия психологической помощи положительны (хотя бы потому, что человек впервые понял, что с ним, и ему говорят, что делать, чтобы ему стало лучше), но более отдаленные последствия, напротив, негативные. Нужно признать и такой факт, что каждый случай психологической помощи является уникальным, что не может быть теории или психологической техники на все случаи жизни, для любого человека. Тем не менее существуют и какие-то типы пациентов и разные стратегии психологической помощи.

Одни пациенты и клиенты хотят стать здоровыми и избавиться от своих проблем, другие, как мы уже отметили, на самом деле, стремятся их культивировать, сохранить, однако готовы лечиться, получать помощь. Одни клиенты имеют силы и мужество выслушивать о

себе правду, другие – нет. Одни имеют заранее сформированное представление о том, что им нужно от психолога и что тот должен делать, как должен помогать, другие готовы принять любой вариант психологической помощи. Некоторые пациенты не имеют сил, чтобы справиться со своими проблемами, даже с помощью психолога, из других силы и энергия так и брызжут, и одна из проблем, как направить эту энергию в нужном направлении. Не означает ли сказанное, что каждый такой случай предполагает свой, специфический подход, что для одних случаев применимы одни психологические теории, для других – другие? При этом нужно еще понять, исследовать, с каким именно случаем имеет дело психолог.

Но и психолог может решать совершенно разные задачи. Например, он может направлять свои усилия, чтобы всего лишь помочь пациенту удачно приспособиться к психологическому нарушению (дефекту). В этом случае он может не знать, что, собственно говоря, произошло и происходит с его пациентом, главная его цель в другом: нащупать приемы (гипноз, терапия и т.д.), снимающие отрицательную симптоматику. Совершенно другой случай – уяснение причин психического нарушения и изучение механизмов психики, ответственных за это нарушение. При этом цель психологической помощи может заключаться в том, чтобы, зная эти причины и механизмы, попытаться управлять функционированием психики, выводя пациента из болезненного состояния. Не так ли действуют большинство сторонников естественнонаучного подхода в психологии? Как правило, при этом психика и личность человека рассматриваются как константные, все психологические воздействия мыслятся, как лежащие в рамках заданной неизменной структуры и механизма. Регулировать и управлять можно именно механизмом, устройство которого мыслится неизменным.

Совершенно другая стратегия – создать такие условия, так повлиять на пациента, чтобы тот стал изменяться. Например, пересмотрел свои взгляды на жизнь, изменил, причем кардинально, образ жизни, выстроил новые цели, приложил усилия для их достижения, не цеплялся за прежние идеалы и привычки и т.д. и т.п. Однако известно, что на подобный подвиг способны весьма немногие люди, большая же часть, напротив, страшится любых серьезных изменений.

Таким образом, цели и стратегии психологической помощи могут быть разные: удачное приспособление к психологическому дефекту, адаптация, оптимизация поведения, управление, изменение личности, реализация личности и другие. Но это означает, что психолог должен отрефлексировать свой подход, понимать, с какой

стратегией и типом психологической помощи он имеет дело, в каких случаях необходимо свою стратегию менять. Здесь сразу же возникают этические проблемы. Например, пациент не хочет изменяться, его цель в другом: успокоиться, почувствовать себя уверенней, получить утешение. Но психолог может считать, что если пациент не изменится, не отретраксирует свои негативные ценности, кардинально не поменяет образ жизни, то ничего хорошего не будет, он по-прежнему будет страдать.

Как в этом случае должен поступить психолог: действовать против убеждений и ожиданий пациента или удовлетворить их, понимая цену? Если он пойдет первым путем, то заставит пациента дополнительно страдать и вообще может его потерять, если же – вторым, то реально ему не поможет, хотя удовлетворит его ближайшее желание и иллюзии. Возможен, конечно, еще один вариант – информировать пациента, объяснив ему наличие альтернативы. Но многие пациенты не хотят знать правду, напротив, они стремятся, как говорил Томас Сас, быть обманутыми. Позиция автора в этом вопросе такова. По возможности нужно информировать пациента или клиента, но если последний не желает знать правду, не хочет проходить через дополнительные страдания как необходимое условие психологической помощи, хотя эти страдания и являются условием положительных изменений в будущем, то в этом случае психолог не должен его насилловать. Проблема психолога тогда в другом: решить для себя, будет ли он дальше вести этого пациента (клиента), этично ли это делать с точки зрения его собственных идеалов и убеждений.

Выше отмечалось, что психолог и пациент могут иметь разные концепции психологической помощи, что психолог, сам того не понимая, может использовать свою профессиональную деятельность для реализации собственных желаний (в самоутверждении, жажде власти, стремления получить от клиента энергию и т.п.), что пациент может находиться на разных этапах эволюции своей личности и иметь разные проблемы. Не означает ли сказанное, что психолог, с одной стороны, должен изучить своего клиента еще до того, как он решит, какую психологическую теорию или технику ему применять. С другой – постоянно изучать себя на предмет осознания своих реальных стимулов и мотивов профессиональной деятельности.

Учитывая, что психологические теории и схемы являются частичными и часто неадекватными, что понять, с каким именно случаем имеет дело психолог, весьма трудно, что даже если подобное понимание имеется, оно – всего лишь гипотеза и интерпретация, учитывая все это, можно утверждать, что действия психолога должны

быть весьма осторожными и постоянно корректироваться, исходя из результатов психологической помощи и постепенного уяснения самого случая. В связи с этим формулу действия психолога можно определить так: максимум рефлексии и культуры мышления, максимум осторожности, максимум ответственности. Психолог должен постоянно задавать себе вопросы типа: что он делает на самом деле, адекватны ли его действия с точки зрения данного случая, смог ли он понять, с каким, собственно говоря, случаем имеет дело, учел ли он концепцию клиента, не использует ли он психологическую помощь в этически неоправданных целях, как убедиться, что выбранная им стратегия психологической помощи верна и эффективна и т.п.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* К психотехнической теории // Моск. психотерапевт. журн. 1992. № 1.
2. *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // История эстетики. Т. 1. М., 1962.
3. *Розин В.М.* Психология: теория и практика. М., 1997.
4. *Розин В.М.* Личность и ее изучение. М., 2004.
5. *Сосланд А.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М., 1999.
6. *Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Моск. психотерапевт. журн. 1992. № 2.